

Восток – Запад

Алексей Анастасьев

Разговор с Океаном Мудрости, или Так говорит Далай-лама*

Когда сентябрьским вечером 1938 года в небольшой крестьянский дом на окраине восточно-тибетской деревни Тактсер постучала и попросилась переночевать группа монахов, ни хозяева этого дома, ни сами монахи, пришедшие искать нового Великого Учителя, ни какой-нибудь смелый предсказатель не могли еще вообразить удивительной судьбы мальчика, который родился здесь тремя годами ранее. Тем более никто не мог предвидеть, как его действия и мнения изменят жизнь сотен тысяч людей, заставив их удалиться за ним в изгнание.

Его Святейшество Тэнгьцин Гьятсо, четырнадцатый Далай-лама (в переводе – «Океан Мудрости», или, точнее, «Учитель-Океан») на своем теперь уже семидесятипятилетнем веку успел побывать и простым учеником-монахом, и абсолютным монархом теократической державы, и одним из руководителей Тибетского автономного округа в составе КНР, и беженцем-«сепаратистом», объявленным китайскими властями вне закона. Он стал первым из высших буддистских иерархов, объездившим чуть ли не весь мир. И наконец, прожив уже почти столетия не в священной Лхасе, где искони находилась резиденция Далай-ламы, а в городе Дхарамсале, любезно подаренном святейшему политэмигранту Джавахарлалом Неру, этот веселый старик остается непрекращаемым авторитетом для всех своих соотечественников по обе стороны границы. В прошлом году исполнилось 75 лет с начала его земной жизни в данной инкарнации и 60 лет – со времени вступления на священный престол. Незадолго до этого по юбилейному случаю он удостоил меня беседой, которая имела место в цитадели тибетского буддизма, заоблачной (в прямом смысле) Дхарамсале.

* Публикуется по материалам журнала «Вокруг Света».

— Я всю жизнь думал: что необходимо для счастья? И пришел к выводу: только без свободы нельзя обойтись. Все остальное – вторично, даже вера. Конечно, религиозное чувство несказанно обогащает всех нас, но если его в чьей-то душе нет, само по себе это еще не отлучает человека от истинных ценностей. Автоматически это не делает его злым и жестоким. Я бы даже сказал, что много хуже быть «поверхностно религиозным», следовать некоему вероучению, не вдумываясь в него, напоказ или для самоуспокоения, а искренней внутренней нужды в нем не испытывать. Если ты связал жизнь со священной традицией, то должен относиться к ней сверхсерьезно. Исполнять все требования, которые она налагает. Понимать, что речь идет о главном выборе в жизни. Формальное отправление обрядов – даже не бессмыслица, а профанация, которая к тому же приучает к лицемерию. Не лучше ли просто находить в своем сердце все самое доброе, светлое – и делиться им с окружающими. Ручаюсь: поступая так, человек в любом случае останется человеком. А воровать можно во что угодно...

– Но, чтобы находить общий язык, должны же у людей быть какие-то постоянные величины, категории, с которыми «все согласны». Я думал, их формирует религия.

– Сострадание. Чистосердечие. Верность истине. Они стоят надо всем. Существование высоких духом людей разных вероисповеданий, и даже атеистов – лучшее тому доказательство. Я буддист, но это значит лишь, что к великим категориям я восхожу через Будду-дхарму. Путем Будды.

– И этого достаточно, чтобы быть буддистом? Разве не требуется разделять некие специфические взгляды, доктрины, признавать авторитеты? Например, в вашем собственном лице не обязаны ли буддисты почитать вас как верховного пастыря и учителя?

– Никто ничего не обязан делать. Для кого-то я святое существо, а для кого-то просто один из братьев. Мне самому важно чувствовать себя обычным монахом и поступать соответственно.

– А что конкретно это значит для вас?

– Стараться приносить пользу людям. Следить, чтобы и в помыслах у меня не было причинить вред живому существу, на какой бы ступени развития оно ни находилось. Не позволять уму лениться. В общем, всегда находиться на своем маленьком месте в огромном мире и молиться, чтобы все другие желали того же. Совокупность точно и хорошо исполненных судеб – это и есть гармония. У всякого своя задача.

– Стало быть, общего для всех образца праведной жизни не существует? Нельзя, например, утверждать, что, если б все вели себя как добрые буддистские монахи, человечество достигло бы идеала?

– Если бы все вели себя как буддистские монахи, человечество вымерло бы. Мы ведь даем обет безбрачия... Нет, поиск истины во внешних образах для подражания почти всегда бесплоден.

– А ведь все мы, нравится нам это или нет, идем к унификации, глобализации. Даже от высших иерархов западных церквей можно услышать, что на самом деле в мире есть только одна религия, которую народы лишь по-разному исповедуют.

– Суть каждой веры уникальна. Конечно, как я уже сказал, все «нормальные» доктрины призывают к состраданию, к готовности прощать, терпимости, самодисциплине. Все они желают своим adeptам душевной умиротворенности. Посудите сами – нас на свете уже больше семи миллиардов. Большая часть так или иначе верует. А это подразумевает сумму миллионов духовных опытов. Каждый религиозный человек с ранних лет видел священные изображения своей веры, усваивал свою систему общения с Богом. У каждого сложились собственные, невыразимо интимные отношения с высшими силами – в себе и вовне. Мыслимо ли, чтобы весь этот грандиозный энергетический поток вел к единственному источнику? Мыслимо ли все эти глубокие убеждения отредактировать, сделав из них одно? Нет, и это, как и в случае с индивидуальными судьбами, – к лучшему. Пусть к Божественному свету ведет сто дорог, пусть они встречаются лишь там, в точке, не доступной простому сознанию.

Вообще, вы знаете, я думаю, что тезис о слиянии всех религий – недоразумение. Это мир у нас общий, а не способы его познания и не верования. Все мы смотрим на него сквозь разные окна. Пытаемся сыграть одну и ту же мелодию, но в разных тональностях.

– А какая тональность подходит буддизму? Говорят, например, что это – самая веселая из религий? Вот вы сами – веселый человек?

– (Смеется.) Не знаю. Полагаю, что веселье не имеет отношения к тональности. Оно проистекает из хорошего душевного самочувствия, а его способен обрести любой верующий, каково бы образа веры он ни придерживался. Кто в ладу с собой, тому нечего печалиться. Среди моих друзей есть мусульмане, христиане (в том числе православные – русские и греки), которые просто светятся радостью. А встречал я и унылых буддистов...

Хотя в чем-то вы, наверное, правы: наше учение помогает сохранять бодрость духа. Мне

в жизни часто приходилось «очаровываться» и разочаровываться. Скажем, после того как войска, посланные из Пекина, заняли Тибет, я девять лет провел в тесном общении с китайскими братьями и сестрами. Пытался в чем-то их убедить, рассчитывал на их добрую волю. Неоднократно встречался с Мао Цзэдуном и всякий раз уходил от него, полный доверия и надежд. Даже еще 19 марта 1959 года, ложась спать у себя в Лхасе, я старался думать, что завтра все будет хорошо, хотя на самом деле завтра принесло бомбардировки и кровопролитие.

Бывало от чего прийти в отчаяние – когда пришлось переодеться собственным слугой и на лошади, а потом пешком добираться до индийской границы. Когда, скрываясь в доме одного из братьев в южном Тибете, я слушал по радио о разрушении монастырей и казнях монахов... Было много печального. Тем не менее мне, хочу верить, удавалось всегда оставаться по-буддистски настроенным на лучшее. Один из классических риторических вопросов нашей религии – что толку горевать?

– *Значит, стоит сохранять оптимизм в любом жизненном положении, что бы ни случилось? Даже в горе уповать на чудо?*

– Полагаю, что уповать надо на свои силы, а в чудеса я вообще не верю.

– *Вот как? Буддисты, люди по определению религиозные, отрицают категорию чудесного?*

– В материальном мире – безусловно. Иное дело, что жизнь полна загадочного, то есть такого, что либо еще не объяснено вовсе, либо представляется простым людям невероятным и достойным удивления. Ведь та сфера сущего, которую мы можем непосредственно познать органами чувств, крайне мала. Тонких, невидимых глазу связей и систем – в мириады раз больше. Представим себе дерево: на первый взгляд оно твердое, имеет кору и листья, вот и все. С другой стороны, оно состоит из молекул, находящихся в постоянном движении, – где же тут твердость? Это противоречие легко разрешит всякий, кто знаком с химией, с устройством древесной или любой другой ткани, имеет микроскоп и прочие приборы, а главное – пытливым умом. То же, кстати, и с телами наших праведных монахов. Они столетиями избегают тлена – как, почему? Мы считаем, что благодаря сложнейшему, интересному и не изведенному еще до конца процессу. В результате его накопленная за годы медитаций и духовных практик внутренняя энергия претворяется в некие более активные формы и спасает охваченные ею клетки от умирания.

– *Ваше Святейшество рассуждает скорее как человек науки, чем как духовный лидер.*

– Вероятно. Но у буддистов с древних пор принято считать, что наука и религия имеют много общего. Все в мире взаимосвязано – это знают и наши монахи, и западные ученые, которым, как они сами признаются, буддистский опыт, традиции и доктрины часто помогают. Передовые психология и медицина, например, заняты сейчас пристальным изучением деятельности мозга и связанного с ней эмоционального поведения человека – и в этой области нам есть чем поделиться с учеными. Во многих американских учебных заведениях теперь даже преподают медитацию как сугубо научную дисциплину. Да и, например, на Шри-Ланке, в университетах она изучается как обычный предмет.

– *Получается, что современный буддизм пропагандирует себя за рубежом с университетских кафедр?*

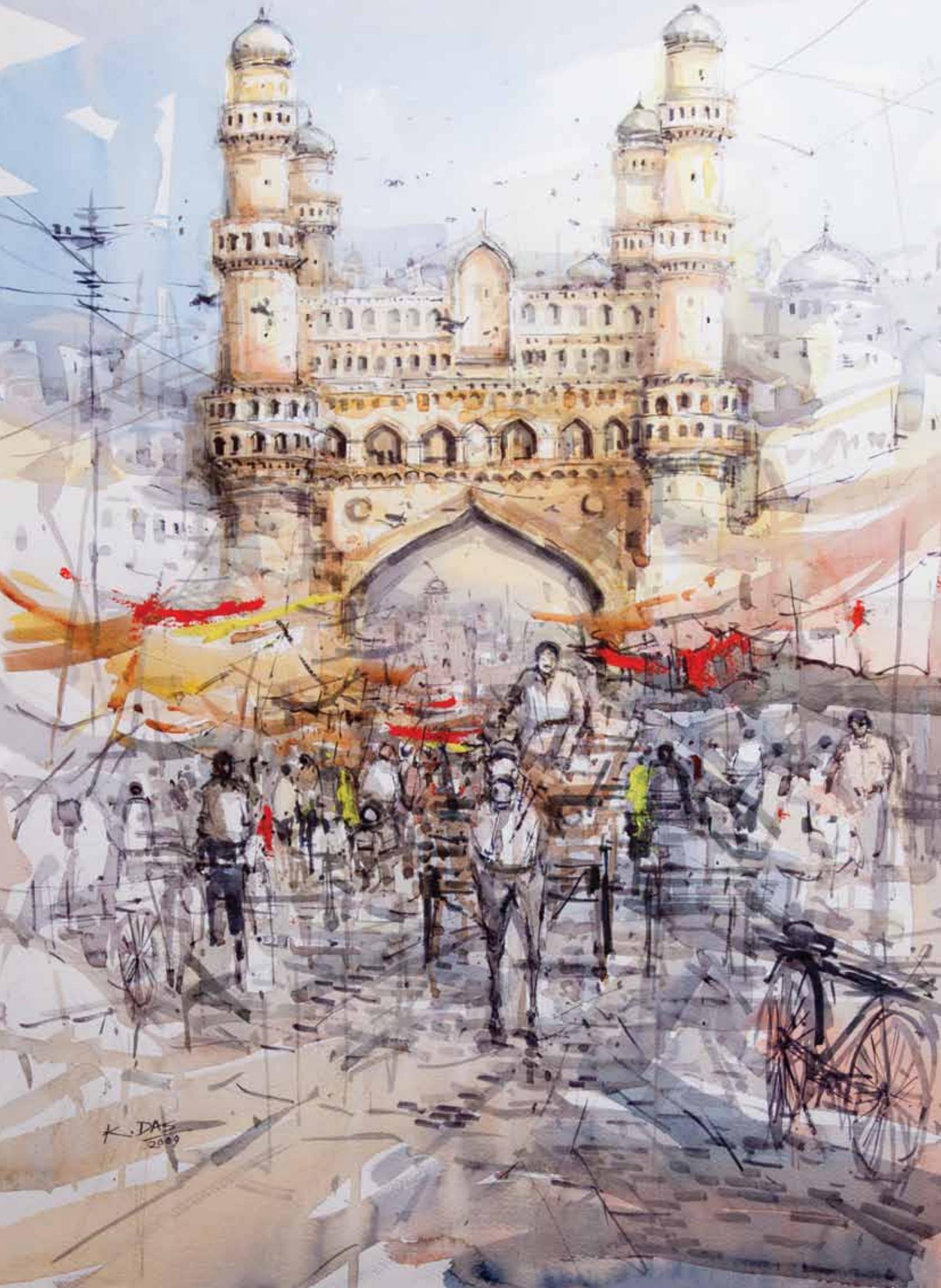
– Ни в коем случае. Нашей философии чужда идея миссионерства. Одна из главных буддистских заповедей гласит: никто не должен учить и проповедовать, пока его не спросили о его убеждениях. Уважать и поддерживать чужие традиции, если вдуматься, – всегда в твоих собственных интересах, ведь для тебя появляется дополнительный источник знания. Читая лекции на Западе – в США ли, в Западной Европе или России, – я всегда подчеркиваю одну мысль: для каждого человека, общины или народа практичней и безопасней твердо придерживаться собственного, природного, кристаллизованного веками образа жизни и веры. Искусственный же переход к любому другому зачастую связан не с религиозными причинами, а скорее с модой, духом противоречия, бунтарским запалом... В буддизм так переходить нельзя – он устремлен к нравственной гармонии и чужд всяким сиюминутным шатаниям. Оставайтесь теми, кем вы выросли и вступили в сознательный возраст, – и прислушивайтесь при этом к любым чужим мнениям. Гасите в себе раздражение по отношению к ним, и тогда вы сможете взять что-то полезное даже от диаметрально противоположной и неприятной вам позиции.

– *Итак, непреодолимых препятствий для диалога вообще не бывает? И даже, к примеру, глубоко верующий человек может договориться с принципиально неверующим?*

– Да. Я встречал среди неверующих добрых людей и интересных собеседников. Один из них, помнится, даже высказал проницательную мысль относительно буддизма. Он заметил, что это – вообще не религия.

– *А что же?*

– Здравый смысл.

K. DAS
2009

Архитектурные чудеса Индии в акварелях Кашинатха Даса

Здесь язык камня превосходит язык человеческий.

Рабиндранат Тагор

На протяжении нескольких тысяч лет могущественные индийские цари возводили дивные дворцовые комплексы, неприступные крепости и богато декорированные храмы. Обладая огромными богатствами, махараджи строили грандиозные сооружения, говорящие об исключительном мастерстве зодчих древности: величественные здания и храмы украшались изображениями богов, людей и животных, деревьев, птиц, цветов, которые поражают своей реалистичностью и искусным исполнением. Одна из уникальных глав была вписана в историю индийской архитектуры в результате взаимного проникновения исламской и индуистской культур. Начало смещению стилей положили первые мусульманские завоеватели, которые принесли в Индию культуру моголов. Возведение дворцов и крепостей укрепляло авторитет земной власти правителей, строительство мечетей упрочивало господствующую роль ислама. Хотя первые мусульманские набеги вызвали яростное сопротивление и породили религиозную рознь, вскоре султаны поняли, что обратить всех индусов в ислам невозможно. Индийская культура не была уничтожена – две разные цивилизации стали гармонично сосуществовать. Результатом этого в архитектуре стали роскошь, изобилие, исполинские размеры сооружений. Богатые строительные традиции и неудержимая фантазия инженеров и архитекторов и по сей день вызывают восторг, удивляя своей детальностью и высоким уровнем исполнения.

В августе 2011 года в Музее имени Николая Рериха выставлялись акварели индийского художника Кашинатха Даса. Двадцать пять работ, объединенных названием «Архитектурные памятники Индии», дают представление о некоторых

самых известных городах и монументах этой страны – от священного города Варанаси, храмовых комплексов Кхаджурахо, башни Виджай Стамбх и великолепных крепостей Дели и Джайпура до вершины могульской архитектуры – гробницы Тадж-Махал и самого высокого минарета в мире Кутб Минар. Работы Кашинатха буквально брызжут энергией – такое ощущение, что у автора нет времени, чтобы тщательно прорисовывать детали – он стремится передать настроение. В его картинах много воздуха и света – это просвечивает из-под полупрозрачных красок белоснежная бумага. С помощью нескольких нетерпеливых мазков и мастерски использованного цвета художнику удастся частично пересказать архитектурную историю Индии – большинство изображенных им сооружений и дворцов являются шедеврами мирового значения и внесены в список охраняемых объектов Всемирного наследия ЮНЕСКО.

Ганга – священная река, протекающая через всю Северную Индию. Здесь, на ее берегах, находится древний город Варанаси, или, как его еще называют, Бенарес. Совершить сюда паломничество хотя бы раз в жизни – мечта каждого индуса. Город, которому около трех тысяч лет, ежегодно посещает более миллиона пилигримов. Индусы верят, что сама богиня Ганга наполняет водами реку и, если совершить в ней ритуальное омовение, можно очиститься от всех грехов, а если человеку посчастливится умереть здесь, в Варанаси, то бог Шива одарит его *мокшей*, и душа обретет свободу. Ритуалы, которые позволяют душе беспрепятственно отправиться к Богу, проводятся еще при жизни человека. С приближением смерти многие индусы приезжают сюда и остаются в специальных приютах, чтобы провести последние дни в молитве.

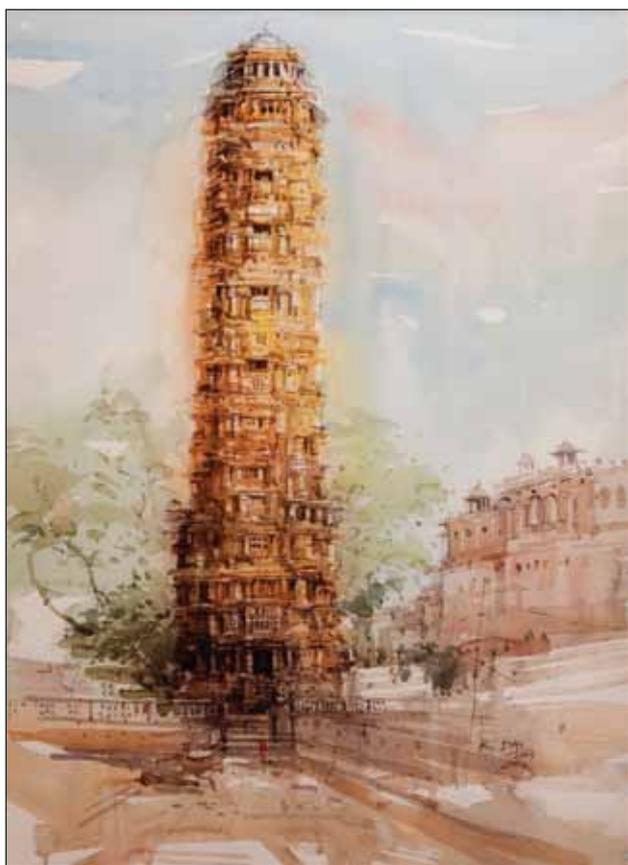
Варанаси называют городом тысяч храмов и святилищ, но самое священное место здесь – это *гхаты*, где уже несколько тысячелетий производятся ритуальные омовения и кремация умерших людей. «Вид на гхаты» – одна из акварелей Кашинатха Даса. Расположенный вдоль западного берега реки, этот комплекс ступенчатых сооружений является главным храмом Шивы во всей Индии. Каждый вечер на Дасашвамедах-гхате можно наблюдать *Ганга Маха Аарти* – церемонию поклонения реке Ганге. Всего гхатов около восьмидесяти, но только на двух из них проходят ритуалы кремации – каждый год около сорока тысяч сожжений, которыми занимается особая каста неприкасаемых. Тело умершего омывают водами священной реки, заворачивают в белую ткань, кладут на бревна и обкладывают соломой и сандаловыми благовониями. Огонь зажигает самый старший мужчина из числа ближайших родственников, и вся семья наблюдает за кремацией, продолжающейся несколько часов.

Вид на гхаты. Бумага, акварель

Зрелище открыто для публики и ошеломляет западного человека, для которого смерть – нечто непостижимое. Для индуса же в этом ритуале освобождения души нет ничего противоестественного или ужасающего, и от картины веет спокойствием и умиротворением. «Смерть – это всего лишь особый опыт переживания души», – как бы говорит нам художник.

К западу от Варанаси, в самом сердце страны – штате Мадхья Прадеш, в непроходимых джунглях прячется крупнейшая в мире галерея скульптур под открытым небом – загадочный храмовый комплекс *Кхаджурахо*. Джайнийские храмы расположены в восточной части комплекса, но более известны индийские храмы, посвященные разным богам: Шиве, Брахме, Варахе, Ганеше, Вишну, Сурье, Парвати или Лакшми. Никто точно не знает, зачем в X–XII веках этот комплекс был построен здесь, в непроходимых зарослях, вдали от сколько-нибудь значимых городов и поселений. Его строительство окутано мистической тайной, сохранилось лишь предание о том, что этой местностью управляли Чандела-раджпуты – индийская династия, ведущая свое происхождение от самого бога Луны. В течение почти двухсот лет они возвели восемьдесят пять храмов – до наших дней сохранилось чуть больше двух десятков. Архитектурный стиль, в котором выполнены постройки комплекса, заметно отличается от других построек этого периода. Мягкий серо-белый песчаник, из которого построены храмы, позволил строителям выточить более двух тысяч детализированных скульптур, которые выглядят очень реалистично. Каменные фигуры выполнены в движении и полны жизни: бог Ганеша с головой слона, военная процессия, битва слонов, танцовщицы и музыканты на свадьбе богатого вельможи, урок в деревенской школе. Некоторые ансамбли храмовых фигур отличаются непринужденными позами и откровенными сценами. Именно благодаря им Кхаджурахо приобрел скандальную славу в качестве «храмов Камасутры». Эротические сцены, иногда шокирующие неподготовленного зрителя, присутствуют только на внешних стенах храмов – в сакральных помещениях вообще нет скульптур – и составляют лишь около пяти процентов от остальных изображений. «Не десять воплощений бога и божественные истории о небожителях привлекают внимание, а сцены из жизни человека: малое и великое, хорошее и плохое, повседневные события, развлечения и деятельность, война и мир – вот картины, покрывающие стены храмов, – писал знаменитый индийский поэт Рабиндранат Тагор. – У этих картин нет иной цели, как показать окружающий

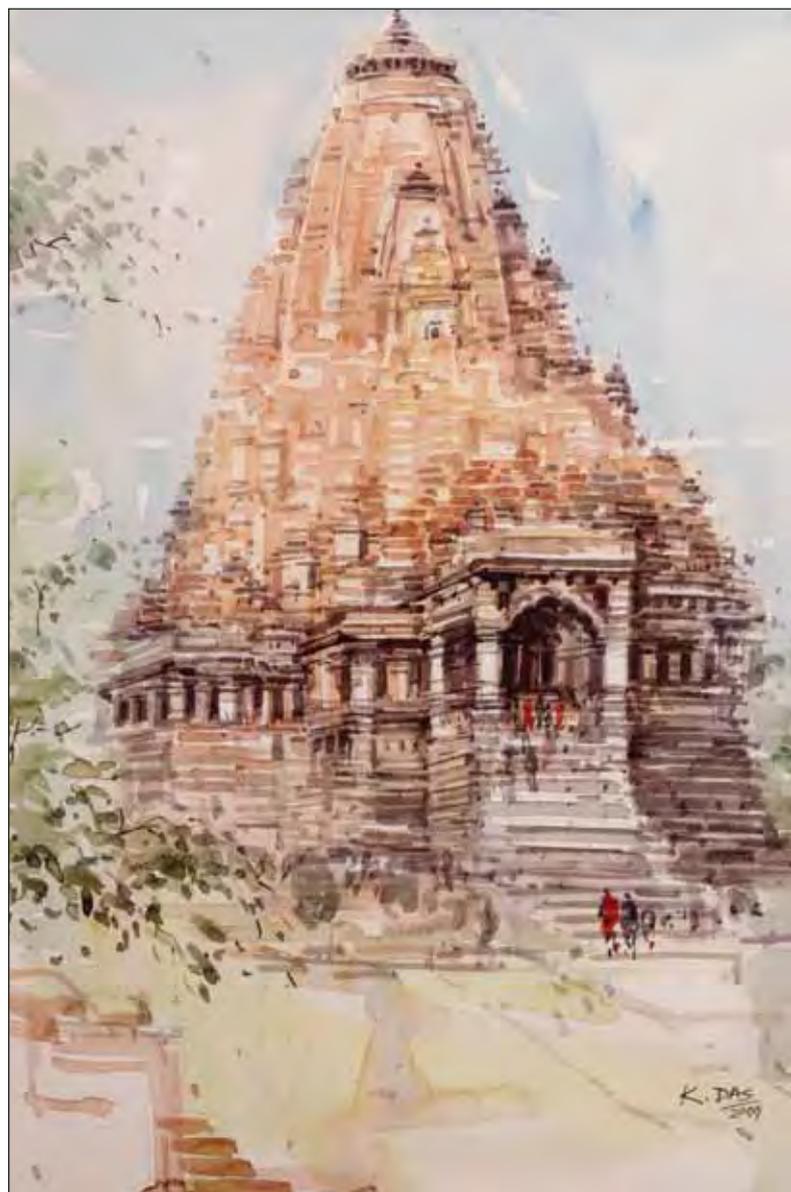

Виджай Стамбх. Бумага, акварель

мир. Поэтому среди тем, которые различимы в них, есть и такие, которые кажутся неподходящими для храма». Одно из толкований присутствия подобных сцен на священных стенах говорит о том, что, вступив на путь воссоединения с божественным, нужно оставить все чувственные удовольствия за пределами храма. Только избавившись от искушений, освободившись от соблазнов, ты готов к встрече с Всевышним. Это объясняет, почему фривольные сцены всегда размещаются вдали от фигур богов. На картине Кашинаатха Даса «Кхаджурахо» изображен храм бога Шивы – его высокий купол, символизирующий священную гору Кайлас, будто парит в облаках, и солнечные зайчики пляшут на его тысячелетних стенах. По своему настроению с ней перекликается акварель «Виджай Стамбх». Девятиэтажная башня из красного песчаника и белого мрамора, сооруженная в середине XV века меварским магараджей Кумбхой в честь победы над мусульманскими правителями, на бумаге выглядит совсем невесомой. Башня Победы, а именно так переводится ее название, посвящена Вишну и считается прекрасным образцом индийской архитектуры этого периода: на внешних стенах высечено бесчисленное количество богов, а балконы, портики и галереи украшены затейливой каменной резьбой. Изображенная на картине

радуга – знак удачи, в индуистской символике он возвещает о небесной славе земного правителя.

Подобно храмам Кхаджурахо, стены храма Солнца в Конарке покрывают тысячи фигур божеств, а также сцены из жизни людей, в том числе эротические. Построенный королем Нарасимхадевой Первым в XIII веке в честь бога-солнца Сурьи, он является одним из самых грандиозных храмов страны. Семьсот лет назад храм находился на самом берегу океана, но сегодня оказался в трех километрах от него. Спроектированный как огромная колесница бога Сурьи, храм является вершиной архитектурного мастерства средневековой Северо-Восточной Индии: пирамидальная крыша из песчаника взлетает более чем на тридцать метров ввысь. Двенадцать резных колес диаметром чуть меньше трех метров, высеченных у основания храма, – одна из главных

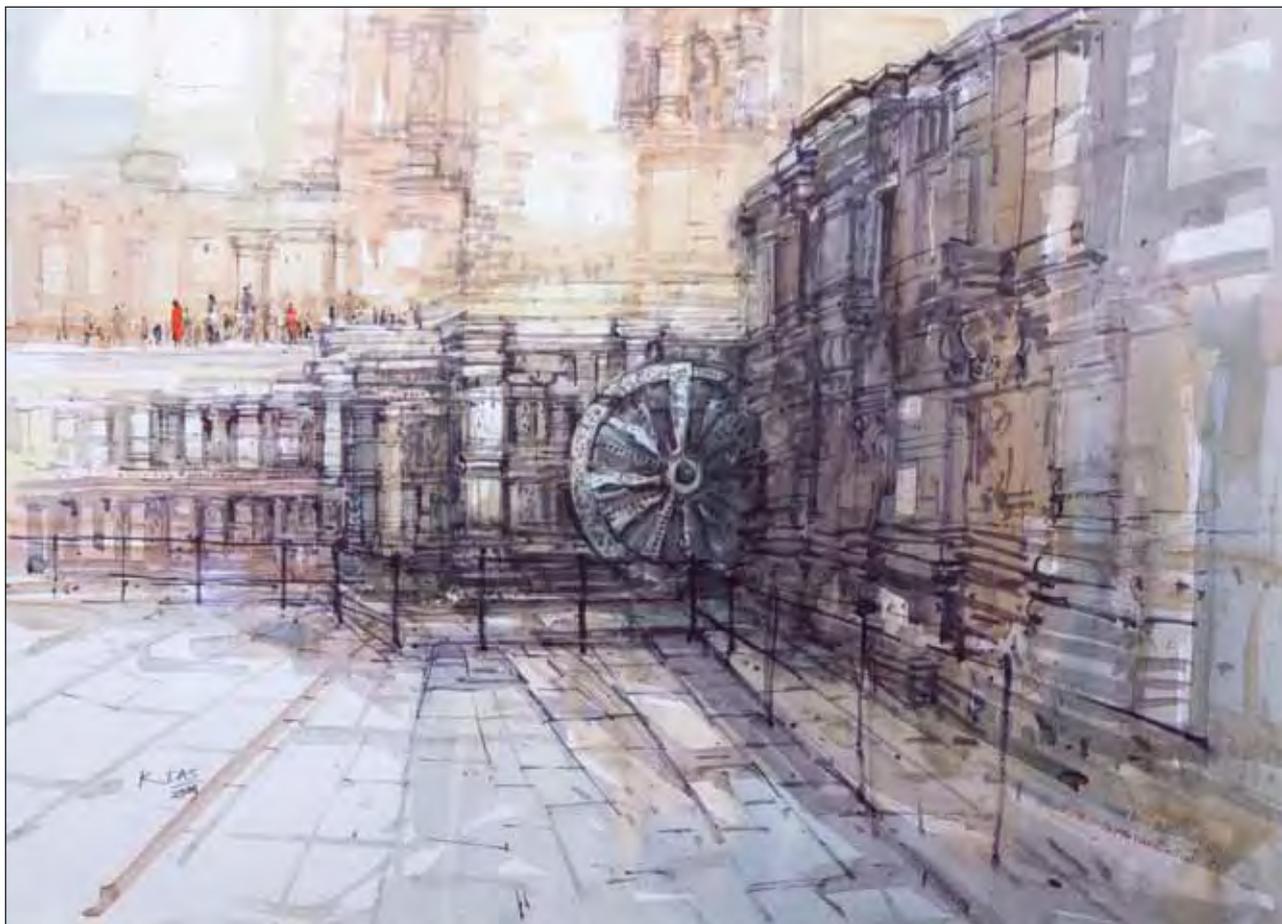
Кхаджурахо. Бумага, акварель

достопримечательностей комплекса. Они символизируют двенадцать месяцев года и в ясную погоду служат солнечными часами. Семь небесных лошадей – семь дней недели – запряжены в гигантскую каменную повозку. Залитая солнцем площадь перед храмом на акварели «Конарк-2» как нельзя лучше отражает замысел этой постройки: храм отливает золотом, его отблески плавятся на раскаленных камнях, и кажется, будто сам бог Сурья спустился с небес.

Здесь же, в Ориссе, находится еще один священный храм Шивы, который изобразил Кашинатх, – знаменитый памятник раннего индийского средневековья храм *Лингараджа* в Бхубанешваре. Почти монохромная, схематически нарисованная группа сооружений, возведенных в X веке правителем Джаяйти Кешари, дает нам представление о типичной планировке храмовых площадок такого типа.

Само по себе удивительно, что такие комплексы, как Конарк и Кхаджурахо, вообще сохранились – уже своим существованием они оскорбляли мусульманских завоевателей, которые при случае не оставляли камня на камне от индуистских храмов даже с менее возмутительными изображениями. Приход в Индию ислама стал важ-

ным этапом в истории индийской архитектуры. Начиная с династии Гулямов вокруг столицы Делийского султаната возникло множество монументальных построек, положивших начало расцвету индо-исламской архитектуры, сочетающей в себе персидский, турецкий и индийский архитектурные стили. В 1192 основатель династии Кутб-уд-Дин Айбек, первый мусульманский правитель Делийского султаната, начал строительство гигантского минарета, который должен был превзойти своим великолепием и внушительными размерами Джамский минарет в Афганистане и стать символом мощи мусульманского правления. При жизни султана был завершен только фундамент, и строительство затянулось на последующие полтора века. *Минарет Кутб-Минар* является одной из самых выдающихся построек раннего периода индо-мусульманской архитектуры. Стены построек покрыты искусно вырезанной из камня арабской вязью, но некоторые детали явно контрастируют с традиционной архитектурой моголов: колонны, поддерживающие своды пролетов, имеют разную форму и диаметр, на некоторых из них есть фигуры людей и животных. Ислам запрещает какие бы то ни было изображения, но мечеть строилась в спеш-

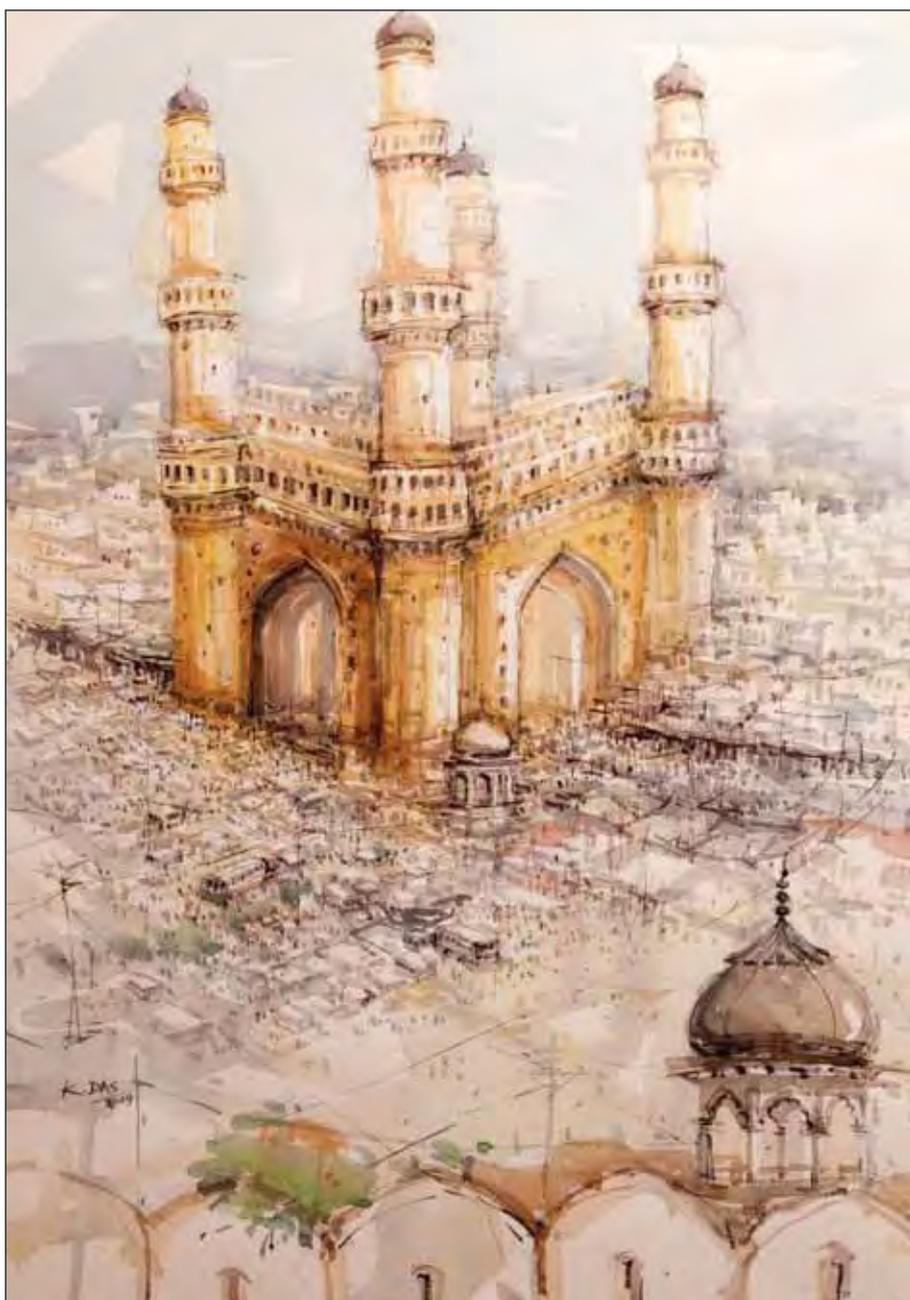

Конарк 2. Бумага, акварель

ке, и в качестве материала для ее постройки использовались части двадцати семи разрушенных индуистских и джайнистских храмов. Таким образом, задуманный как символ торжества ислама над всеми другими религиями минарет Кутб Минар стал первым индо-мусульманским храмовым комплексом в Индии. На картине Кашинатха рядом с минаретом изображены развалины двора первой построенной в Делийском султанате мечети *Кувват-уль-Ислам*, и через арку видна знаменитая железная колонна, которая вот уже более полутора тысяч лет считается одним из самых загадочных творений индийских кузнецов – на ней нет и следов коррозии.

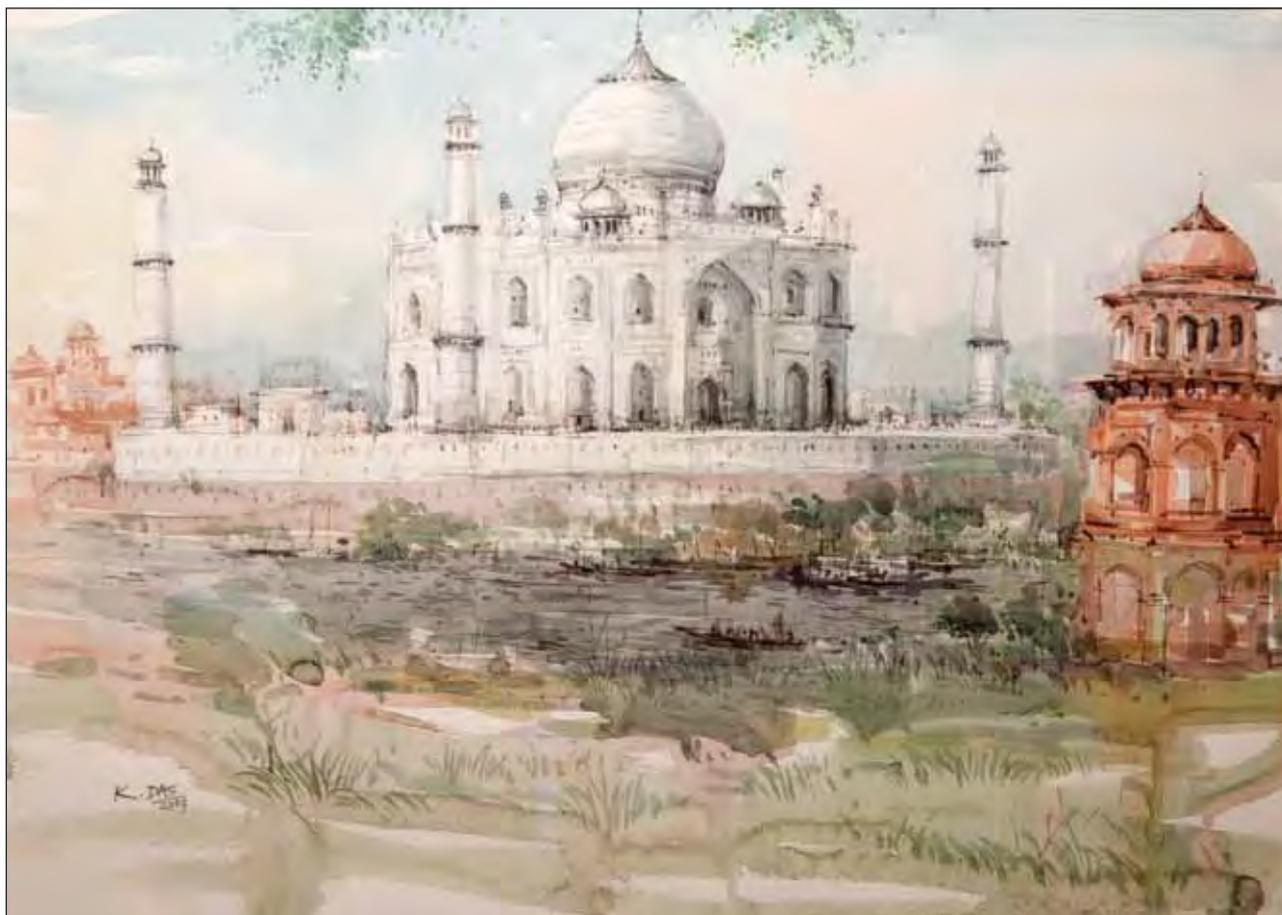
Две акварели художника посвящены еще одному исламскому монументу внушительных размеров – старинной мечети Чар Минар. В конце XVI века пятый султан династии Кутб Шахи – Мухаммад Кули Кутб Шах основал город Хайдерабад и вскоре возвел здесь мечеть *Чар Минар* (дословно – «четыре минарета»). Легенда гласит, что незадолго до этого в государстве бушевала чума и правитель долго и усердно молился: «О Аллах, Милостивый и Милосердный! Пожалуйста, освободи мое королевство от этой напасти, и я обещаю, что воздвигну на этом самом месте такой памятник, что люди будут долго помнить твою непревзойденную доброту». Вскоре эпидемия прекратилась, а султан сдержал свое слово. Оригинальная форма мечети – четыре величественных минарета, поддерживаемых изящными арками, – стала визитной карточкой Хайдерабада на все последующие столетия. На картине видно, что город подступил к мечети со всех сторон и у ее стен кипит шумная городская жизнь: маленький пестрый рынок, груженные повозки, шустрые продавцы горячих закусок и ароматного чая. Могольские султаны управляли Индией более трехсот лет: утрированно преувеличенные размеры Чар Минар подчеркивают символичность ислама для этого города и для могольской империи в целом.

Несомненно, самая известная постройка исламской архитектуры Индии – *Тадж-Махал*, грандиозный мавзолей, созданный по велению могольского султана Шах-Джахан в память о своей любимой жене Мумтаз-Махал, «Украшении Двор-

Город Хайдерабад. Бумага, акварель

ца». Она покорила грозного правителя своей красотой, мудростью и кротостью и, не стремясь к политическим интригам и подковерным дворцовым играм, тем не менее стала правой рукой Шах-Джахан и его советницей в государственных делах. Придворный летописец отмечает, что император и его любимая жена никогда не отдалялись друг от друга больше, чем на расстояние одной комнаты, и куда бы ни отправлялся Шах-Джахан, – будь то военный поход или охота, он везде брал с собой любимую супругу. В одной из таких поездок, во время родов четырнадцатого ребенка, Мумтаз-Махал безвременно скончалась. Ее безутешный супруг удалился в свои покои на несколько дней, а когда он снова по-

Тадж-Махал. Бумага, акварель

явился на публике – подданные увидели поседевшего, состарившегося правителя. Два года длился официально объявленный траур по Мумтаз, двадцать два года потребовалось для того, чтобы завершить строительство усыпальницы. Тадж-Махал выполнен в традициях двух культур: сам мавзолей облицован прекрасным белым мрамором, украшенным разноцветной мозаикой и инкрустацией из самоцветов, а массивные ворота, две мечети по бокам мавзолея и окружающая весь комплекс высокая стена сделаны из красного песчаника. Правление Шах-Джахана ознаменовало расцвет династии Моголов – это был период благополучия и стабильности. Его империя не знала значительных войн, и правитель мог позволить себе тратить баснословные суммы. В грандиозном строительстве этой «поэмы в камне» было задействовано более двадцати тысяч человек – сюда были приглашены лучшие зодчие и ювелиры Индии, Персии, Самарканда. Шах-Джахан даже выписал мастеров из Венеции, чтобы те обучили его рабочих технике инкрустации мрамора драгоценными и полудрагоценными камнями. Белоснежный мрамор добывали в каменоломнях Раджастана, за триста километров от Агры. Кораллы, лазуриты, агат, сердолик привозились со

всех концов света и использовались для придания правдоподобия цветочному мозаичному узору: в исламской культуре цветок – символ царства Всевышнего. Стены дворца и мраморную облицовку ворот, символизирующих Небесные врата, каллиграфической мозаикой покрывают цитаты из священной книги Коран – четырнадцать его глав высечены полностью. Во времена Шах-Джахана вокруг гробницы были разбиты райские сады, символизирующие жизнь на небесах, – тысячи цветов и сотни цветущих деревьев, по дорожкам расхаживали павлины и другие экзотические птицы, а ко всему этому великолепию были приставлены специальные охранники, отгонявшие хищных птиц. Художник показывает Тадж-Махал с непривычной стороны – с противоположного берега реки Ямуны. Из-за выбранной точки обзора и удаленной перспективы мавзолей не кажется таким огромным: он похож на белый корабль, проплывающий мимо прибрежного города, – столь же изысканный и величественный, сколь дерзкий и сюрреалистичный.

Хумаюн-Макбара – гробница Хумаюна в Дели построена несколькими десятилетиями ранее, чем Тадж-Махал, и гораздо менее известна, но внешне очень похожа на строение Шах-Джахана

Крепость Мехрамгарх. Бумага, акварель

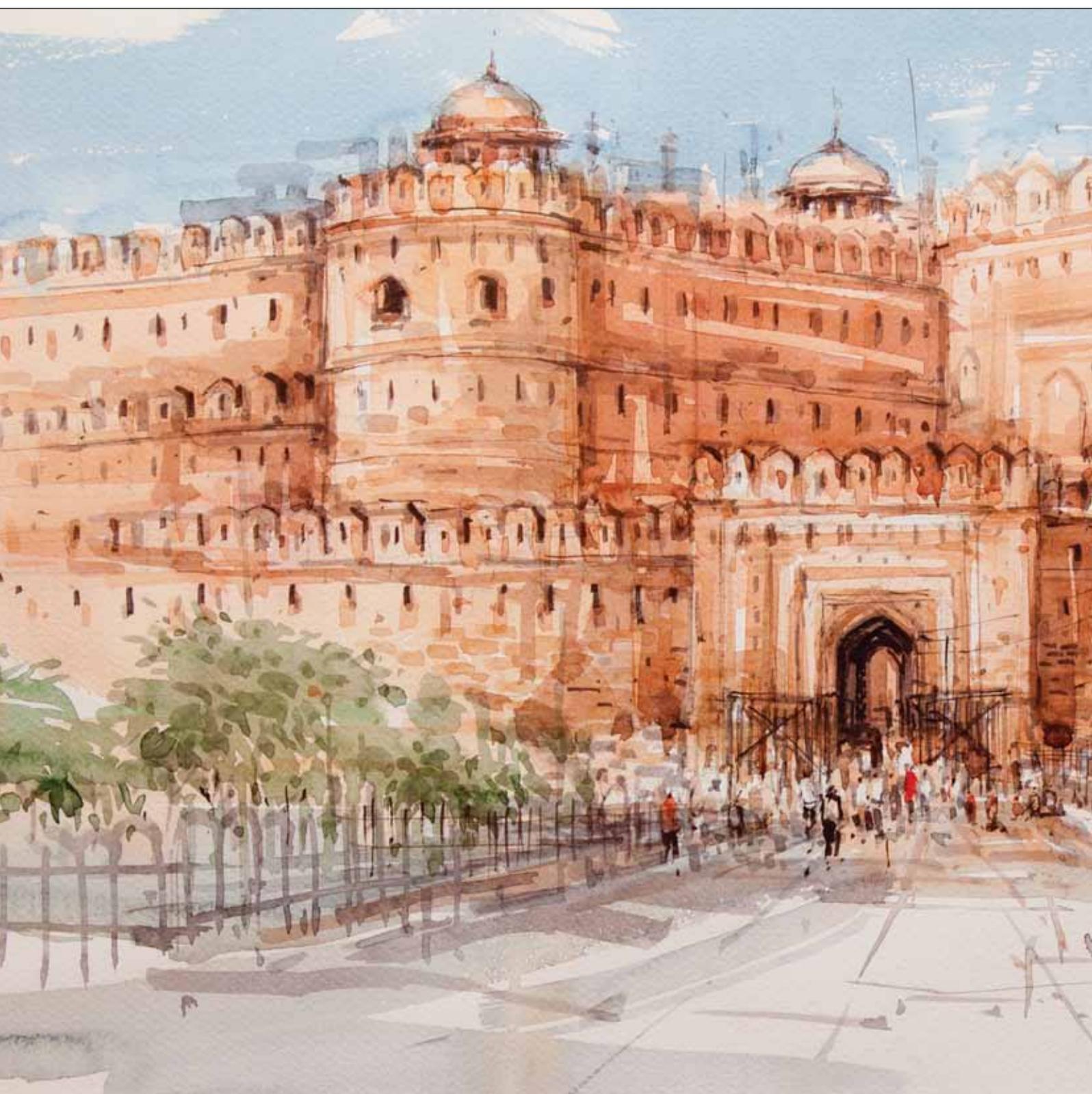
и считается одним из его прототипов. Усыпальница Хумаюна, императора из династии Великих Моголов, – первый на Индийском субконтиненте сад-мавзолей могольского типа. В середине XVI века вдова императора Хамида Бану Бигум заказала его гробницу известному в ту пору персидскому архитектору Мирак Мирза Гиязу, на счету которого уже было множество построек в Бухаре. На архитектуру мавзолея сильно повлияли самаркандские постройки династии Тамерлана. Богатое убранство гробницы, утопающей в персидских коврах, и великолепие сада, раскинувшегося вокруг на тринадцати гектарах, поражало воображение современников, описывавших усыпальницу Хумаюна.

На протяжении почти трех столетий Моголы продолжали захватывать новые земли Индостана, утверждая свое господство. Память об этих бесстрашных воителях продолжает жить и по сей день в крепостях и бастионах, некогда служивших подтверждением богатства и силы Великих Моголов и доминирующих в городских пейзажах и сегодня. Целая серия акварелей Кашинатха Даса посвящена фортам и крепостным сооружениям. Художник пишет их вне времени – ничто не выдает присутствия XXI века:

форты и бастионы изображены так, будто и не было череды отделяющих их от нас столетий. Реалистично переданы терракотовый оттенок стен и структура камня. *Пурана Кила, или Старая Крепость*, – форт в Дели, построенный Хумаюном в 1538 году. Стены форта высотой восемнадцать метров в некоторых местах достигают толщины в несколько метров. Считается, что крепость стоит на месте древнего города Индрапрастхи – города Индры, основанного братьями Пандавами, героями легендарного эпоса «Махабхарата». *Форт Мехрамгарх*, один из самых больших фортов в Индии, возвышается над городом Джодхпуром в Раджастане. В 1459 году правитель династии Ратхор – Рао Джодха перенес сюда свою столицу и решил построить на холме Бхорчери крепость. Место было выбрано идеально – обзор с такого возвышения обеспечивал безопасность, проблема была лишь в том, что поселившийся в этом месте отшельник по имени Черия Натджи, «Повелитель птиц», не желал покидать свое жилище. Расстроенный тем, что ему придется уйти с этого холма, он произнес самые страшные для жителей тех мест слова: «Повелитель людей, пусть в этом месте ты всегда будешь страдать от жажды», – сказал он уходя. Индусы

верят, что йогин, накопивший своими аскезами множество заслуг, может наслать на любого человека проклятие, и оно обязательно сбудется. Испугавшись, правитель построил для отшельника новый дом, а рядом с пещерой, где тот раньше медитировал, – храм. Но до сих пор каждые три-четыре года в этих местах наступает засуха.

Еще одно впечатляющее творение зодчих Индостана – *город-крепость Фатехпур-Сикри* была построена за полвека до знаменитого Тадж-Махала. Этот «Город победы близ Сикри» некоторое время служил столицей империи Великих Моголов. К 1571 году дед Шах-Джахана, император Акбар, возвел здесь цитадель с двор-

цовыми постройками, мечеть Джама Масжид и жилыми кварталами, ставшую сердцем могущественной империи. Великий император был известен своим покровительством искусству и архитектуре и лично следил за строительством, которое заняло пятнадцать лет. Слава города росла, здесь процветали торговля и ре-

месла, но уже через четырнадцать лет, из-за недостатка воды и близости беспокойной границы государства, великий правитель вынужден был перенести столицу сначала в Лахор, а затем обратно в Агру. Фатехпур-Сикри был первым городом, где объединились индийский, персидский и исламский архитектурные стили. «...Не унижение других верований, не беспричинное обесценивание других, но надлежит воздание почитания всем верованиям за все, что в них достойно почитания. Великий Акбар с мудрой Джод-бай, создавая храм Единой Религии, мыслили о том же великом вмещении...» – писал Николай Рерих. В южной стене мечети Джама Масжид расположены Буланд Дарваза (перс. – «Великие ворота») – одни из самых больших ворот в мире, символизирующие успех султана в Гуджаратской кампании. Построенные из красного песчаника и украшенные мозаикой из белого и черного мрамора, эти ворота-башня по сути являются одним из свидетельств веротерпимости императора Акбара. Одна из надписей на арке ворот гласит: «Иисус, сын Марии (да пребудет с ним мир), сказал: Весь мир – это мост, перейди по нему, но не строй на нем никаких домов. Тот, кто надеется на час, может надеяться вечность. Время, отведенное миру, – час. Проведи его в молитве, все остальное – неизвестность». Изображение этих ворот – одна из немногих детально прорисованных работ Кашинатха: на акварели хорошо видно, что красный песчаник Буланд-Дарвазы и сейчас практически не тронут временем.

Самым значимым результатом строительства города стало возникновение нового архитектурного стиля, в котором индуистские и исламские мотивы оказались переплетены между собой. Архитекторы Акбара вдохновлялись военными лагерями, в которых большую часть времени проводил их повелитель: отдельно стоящие павильоны напоминали палатки – только ткань в них заменили мрамор и камень. Правитель обратился к местным мастерам, которые славились своим умением работать с камнем. Их мастерство передавалось из поколения в поколение, они привнесли свои традиции и свое видение, создав невероятные по красоте дворцы, украшенные изящной резьбой и чеканкой. В городе Агра, у излучины реки Ямуна, возвышается одна из самых величественных цитаделей древности, в течение двух столетий служившая административным центром империи моголов, – Красный форт Агры. Он получил свое название из-за цвета песчаника, из которого построена

◀ Ворота Дели. Агра. Бумага, акварель

Крепость Амер. Джайпур. Бумага, акварель

часть комплекса и окружающая его стена, длиной почти два с половиной километра и высотой более двадцати метров. Крепость кажется целиком состоящей из каменного монолита и выглядит настолько величественно, что во времена правления моголов никто даже не пытался атаковать ее. Акбар хотел, чтобы крепость была неприступной, и в западной ее части по его приказу были установлены хитроумно спроектированные *Делийские ворота*. Украшенные искусной мозаикой из белого мрамора, они имели статус «официальных ворот» султана. Для того чтобы пересечь глубокий ров, наполненный водой, и попасть к внутренним «слоновьям» воротам, использовался деревянный мост. Архитектурная хитрость состояла в том, что подъемный мост располагался между внешними и внутренними воротами под прямым углом. В случае осады форта это делало невозможным использование любых таранов и даже боевых слонов: если бы неприятель прорвался внутрь, он оказался бы в ловушке – окруженном со всех сторон каменном «колодце» с частыми бойницами. В начале XVII века Шах-Джахан получил этот форт

в наследство и занялся его реконструкцией: разрушив часть построек, он задумал превратить оборонительную крепость в роскошный дворец. В качестве основного материала использовался белый мрамор, украшенный причудливыми узорами из золота и драгоценных камней, что стало характерной чертой архитектуры Шах-Джахана. В отличие от простых суровых военных построек Акбара, автократичный характер его внука отразился в изящных дворцовых сооружениях, дав название новому стилю «шахджехани». В этом же стиле был выполнен и *Красный форт в Дели*, возведенный в XVII веке. Первоначально он именовался *Кила-и-Мубарак* – Благословенный форт, так как служил резиденцией для правителя, а переименованная в честь султана и перенесенная сюда столица стала называться Шахджаханабад. Построенный в форме неправильного восьмиугольника из красного кирпича, облицованного мрамором и керамикой, форт стал одним из классических образцов архитектуры того времени.

Еще одна жемчужина инженерного и архитектурного искусства раннего могольского перио-

да – крепость Амер, или Амбер, известная своим изяществом и художественным стилем, находится в Джайпуре. Кашинатх Дас написал эту выбеленную крепость-дворец в вечерних лучах солнца – ее просторный двор и ряды зубчатых стен простираются почти до горизонта, а за ними едва угадываются теряющиеся в сгущающемся тумане зеленые холмы Раджастана. *Городской дворец в Удайпуре* – другая акварель, лишённая военного или религиозного подтекста. Построенный на вершине холма дворец являет собой смешение раджпутского, китайского, могольского и средневекового европейского архитектурных стилей. Легенда гласит, что меварский магараджа Удай Мирза Сингх отправился поохотиться на удайпурских холмах, недалеко от озера Пичола, и на вершине одного из них увидел медитирующего отшельника. Магараджа попросил благословения у свободного йогина на постройку дворца и получил ответ, что строить нужно именно на том самом месте, где он медитирует. Изысканный белый фасад дворца выполнен из гранита и мрамора и унизан мозаичными балконами и инкрустированными арками. Акварель Кашинатха сияет светом – утренние лучи солнца окрасили берег озера и возвышающийся над ним

дворец в нежные цвета и придали особое очарование его многочисленным окнам и башенкам.

Архитектурное наследие Индии, соединившее в себе черты многих культур и традиций, является свидетельством больших амбиций ее правителей и ярким примером того, что монументальное искусство всегда было средством достижения не только политических, но и религиозных целей. Прекрасно сохранившиеся в тропическом климате, овеянные легендами образцы каменного зодчества часто содержат больше загадок, чем ответов. Располагая богатейшей традицией искусной резьбы по камню, индийские мастера создали захватывающие дух цитадели и дивные замки, которые вызывают неподдельный восторг и в наши дни, что можно было ощутить и на выставке акварелей Кашинатха Даса. Небрежный, но в то же время сдержанный стиль художника прекрасно передал величие и великолепие Индийской архитектуры – легкость прозрачных цветов и условность изображений дает волю фантазии, не обременяя зрителя лишними деталями. Преувеличенно огромные здания и нарочито условные фигуры людей позволяют почувствовать колоссальные размеры построек и не оставляют сомнений в том, что Индия – страна архитектурных чудес.

Красный форт. Дели. Бумага, акварель